

А. В. Шаманаев

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ХЕРСОНЕСА В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ

Херсонес Таврический является уникальным археологическим памятником античного времени и Средних веков. Его раскопки начались в 1827 г. и продолжаются до сегодняшнего дня¹. К сожалению, как неоднократно отмечали исследователи, археологи XIX в. редко представляли подробные отчеты о своих работах². Любой новый документ, имеющий отношение к археологическим исследованиям, проводившимся в этом месте, может иметь важное значение для понимания истории, методики, практики и значения деятельности археологов предшествующих поколений.

Интересный комплекс документов хранится в Государственном архиве города Севастополя (фонд 19 Херсонесского мужского монастыря Святого Владимира)³. В его состав входят 69 дел за период с 1853 по 1919 г. Автор выражает искреннюю благодарность заместителю директора архива Н.М. Терешук за помощь, оказанную в работе с документами.

В середине XIX в. архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий выступил с проектом возрождения древних монастырей в Крыму. Вполне естественно, что первоочередное внимание привлек Херсонес, известный как место крещения князя Владимира⁴. В 1850 г. среди руин древнего города была основана киновия, которой в 1861 г. был придан статус монастыря⁵.

С самого начала жизнь обители оказалась связана с археологическими раскопками на территории Херсонесского городища. В 1852 г. по распоряжению архиепископа Иннокентия настоятель киновии иеромонах Василий (Юдин) провел раскопки одного из храмов при участии членов Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевича и З.А. Аркаса⁶. В период с 1876 по 1881 г. святейший правительствующий Синод выделял по 1 тыс. рублей ежегодно для проведения археологических исследований в Херсонесе. Деньги передавались в Одесское общество на надобности «по раскопке и восстановлению древних памятников

христианства» и устройство музея христианских древностей⁷. Для руководства работами был создан комитет, в состав которого вошли вице-президент общества Н.Н. Мурзакевич, действительные члены П.О. Бурчаков, К.Е. Геммельман и настоятель монастыря отец Анфим (Казимиров)⁸. В 1887 г. управление раскопками перешло в ведение Императорской археологической комиссии совместно с Одесским обществом, а с 1888 г. все работы проводились под руководством исключительно представителей комиссии (К.К. Косцюшко-Валюжинич, Р.Х. Лепер, Л.А. Моисеев)⁹. Взаимоотношения заведующих раскопками с монастырским начальством в этот период складывались различно, иногда дело доходило до весьма острых конфликтов.

Среди дел Херсонесского монастыря Святого Владимира, хранящихся в городском архиве г. Севастополя, наибольший интерес для изучения истории археологических раскопок городища представляют три (дела 10, 35, 37).

Дело «О производстве археологических раскопок в местности древнего Херсонеса» — наиболее объемное из трех и охватывает самый продолжительный период, с января 1859 по июнь 1904 г.¹⁰ В его состав входят документы различного происхождения и содержания. Часть из них имеет прямое отношение к организации раскопок, другие характеризуют отношения монастыря и разнообразных государственных, церковных, военных органов, научных обществ по вопросам собирания и сохранения древностей Херсонеса.

Определенный интерес представляет переписка с различными административными органами. В эту группу можно включить: указы Таврической духовной консистории; отношения, распоряжения из управления новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, канцелярии севастопольского градоначальника и коменданта крепости, правительствующего Синода и др. На основе изучения этих документов можно составить представление о роли этих учреждений в деле сохранения памятников истории и культуры Крыма, в частности Херсонеса, в конце XIX — начале XX в. Можно отметить, что эта проблема до сих пор остается малоизученной в отечественной историографии¹¹. Особенно интересной представляется переписка монастыря Св. Владимира и Императорской археологической комиссии (ИАК). Эти документы позволяют проследить отдельные аспекты деятельности ИАК до того, как раскопки в Херсонесе стали осуществляться представителями этого учреждения, а также в период с 1888 по 1917 г.

Значительная часть документов дела характеризует переписку с различными научными учреждениями, прежде всего с историко-археологическими. Среди них музеи, Московское археологическое общество, Одесское общество истории и древностей. Последнее было основа-

но в 1839 г., и его деятельность должна была способствовать «разъяснению, по возможности, древней истории Южной России, преимущественно Новороссийского края, посредством археологических исследований»¹². С первых лет существования оно проявляло большой интерес к изучению и сохранению херсонесских древностей. Несколько настоятелей монастыря, принимавших участие в раскопках, избирались действительными членами Одесского общества¹³. Неоднократно Общество обращалось к иерархам Таврической епархии с просьбами по организации мер для сохранения исторических и археологических памятников Крыма. При этом особое внимание уделялось древностям Херсонеса. В деле хранения копии двух официальных писем епархиальному руководству от 22 июня 1865 г. и от 30 апреля 1868 г. Первое касается только Херсонеса. Речь идет об издании официального распоряжения передавать древние монеты, которые попадают на землях монастыря Св. Владимира, в музей Одесского общества¹⁴. Документ 1868 г. более общего характера. Одесское общества предлагает использовать духовенство для собирания древних предметов в пределах епархии и сведений о таких находках. Особое внимание уделялось Херсонесу: «Более других заслуживающая археологического исследования местность есть Херсонесская. Для истории края и археологии в этом месте драгоценна всякая находка; чтобы тамошнее начальство, по случаю производства там построек, приложило особенное старание к отысканию древних предметов, т. е. монет, сосудов, надписей и т. п., равно и к снятию на план открывающихся древних фундаментов»¹⁵. Следует отметить, что такие призывы находили поддержку епархиального начальства, однако трудно оценить результативность предпринимавшихся мер¹⁶.

Большое значение имеет комплекс документов 1876–1888 гг., касающихся деятельности Одесского общества в Херсонесе. В связи с выделением Синодом средств для изучения памятника была разработана программа раскопок и создан специальный комитет для ее реализации. Следует отметить, что полный текст этой программы раскопок до сих пор не публиковался. Несколько цитат из него были приведены К.Э. Гриневичем в монографии по истории раскопок в Херсонесе (по экземпляру из архива Одесского общества)¹⁷. Примечательно, что планировались не только археологические изыскания, но и работы по реставрации сохранившихся объектов (в частности, храма Святого Климента). Кроме того, предполагалось построить контрфорсы для укрепления разрушающейся береговой линии с участками культурного слоя¹⁸.

Данная программа представляет большой интерес для истории русской археологии в целом. Она характеризует общую тенденцию развития этой науки во второй половине XIX в. Как отмечают В.Ф. Генинг и В.Н. Левченко, в это время начинает меняться представление о целях

археологических раскопок. Поиск эффектных экспонатов для музейных коллекций уступает место масштабным и планомерным исследованиям памятников как целостных объектов¹⁹.

Дело «О раскопках в Херсонесе» включает документы 1888 – 1901 гг.²⁰ В основном они представляют переписку монастырского начальства с военным ведомством, управляющим раскопками К.К. Косцюшко-Валюжиничем, Императорским археологическим обществом и канцелярией епископа Таврического и Симферопольского.

Большая часть документов дает представление о мерах, предпринимаемых для сохранения находок и остатков сооружений древнего города. Например, в отношении из канцелярии севастопольского градоначальника на имя настоятеля монастыря архимандрита Иннокентия от 16 января 1888 г. сообщается о том, что «в местности древняго Херсониса солдаты-артиллеристы, составляющие прислугу построенной там батареи, открывают находящиеся в смежной с нею части города и на обрыве, за древнею стеною, со стороны Тройной бухты, могильные пещеры и продают найденные в них предметы». Вопрос о пресечении этих действий был поднят Одесским обществом истории и древностей, что побудило генерал-губернатора Одессы Х.Х. Роопа обратиться к градоначальнику Севастополя. Последний предписывал настоятелю: «...немедленно доводить до моего сведения о всякой попытке к нарушению... высочайшего повеления о воспреещении частным лицам раскопок...»²¹. С аналогичной просьбой обращается к архимандриту Иннокентию и заведующий раскопками К.К. Косцюшко-Валюжинич 7 марта 1890 г.²² Однако, судя по другим документам дела, проблема обеспечения сохранности херсонесских древностей не была решена и в последующие годы.

Особенно интересны в этом отношении документы 1895 – 1901 гг., характеризующие конфликт между монастырем и Императорской археологической комиссией²³. Зимой 1895 г. на земле, принадлежавшей монастырю, начинается разбивка виноградника, что вызывает противодействие К.К. Косцюшко-Валюжинича и его обращение в ИАК. Судя по датам переписки, основные события разворачивались в период с конца января 1895 г. (рапорт от К.К. Косцюшко-Валюжинича датирован 4 февраля) до конца сентября 1896 г. (согласительный акт между представителем ИАК и монастырем был подписан 24 сентября)²⁴. Со стороны ИАК претензии заключались в том, что хозяйственная деятельность монастыря, часто не согласованная с заведующим раскопками, приводит к разрушению культурного слоя и археологических объектов²⁵. Руководство монастыря обвиняло К.К. Косцюшко-Валюжинича в игнорировании актуальных нужд братии и паломников, препятствиях хозяйственным интересам обители, а также в оскорблении религиозных чувств верующих (оставлял без пере-

захоронения останки)²⁶. Настоятель монастыря, вероятно, прекрасно понимал значимость обвинений идеологического характера.

Выходом из создавшейся ситуации могла быть разработка плана археологических работ на монастырских землях, согласованного заинтересованными сторонами и учитывающего интересы обеих сторон. На этом настаивала Императорская археологическая комиссия в феврале 1895 г.²⁷ К такой же мысли пришло и руководство монастыря, учитывая опыт совместной деятельности с Одесским обществом истории и древностей²⁸. Однако согласительный акт, регулирующий отношения, был составлен и подписан только 24 сентября 1896 г. при содействии представителя Таврической духовной консистории²⁹.

В результате этих событий был подготовлен план раскопок на монастырских землях, утвержденный епископом Таврическим весной 1901 г.³⁰ Этот документ интересен тем, что характеризует как организационную сторону археологических исследований на землях, не являвшихся государственной собственностью, так и научные интересы руководителя археологических работ в Херсонесе.

Третье дело — «О зятии монастырской земли военным и другими ведомствами» — включает документы с марта 1893 по январь 1917 г.³¹ Наибольший интерес среди них представляет переписка по проблеме отчуждения земельных участков для нужд военного ведомства. Следует отметить, что с самого основания Севастополя как военно-морской базы Черноморского флота херсонесские древности оказались под угрозой уничтожения. Руины древнего городища долгое время служили источником камня для строительства нового города³². В начале XX в. со стороны военного ведомства возникла новая опасность, связанная с планами размещения на территории городища новых батарей, казарм и зданий вспомогательных служб. Всего в зону отчуждения должны были попасть 50,5 десятин монастырской земли³³.

В случае реализации проекта для науки могли быть потеряны ценные объекты, уже изученные раскопками (кварталы жилых домов, остатки храмов в восточной части городища, руины крепостной стены в южной), а также малоисследованные к тому времени культурные напластования на западном участке Херсонеса.

Среди документов дела есть два плана городища, на которых показаны уже существовавшие постройки военного ведомства (отмечены черным цветом в заполнении), а также границы участков, подлежащих передаче (обозначены сплошными или пунктирными линиями и имеют буквенные обозначения на углах), планы ориентированы по линии север юг (рис. 1, 2). Первый чертеж (см. рис. 1) приложен к донесению К.К. Косцюшко-Валюжинича в Императорскую археологическую комиссию. Его основа взята с топографической карты, показаны горизонталы,

дороги, масштаб. На документе есть подпись временно исполняющего обязанности начальника инженеров крепости инженер-полковника Энберта (?)³⁴.

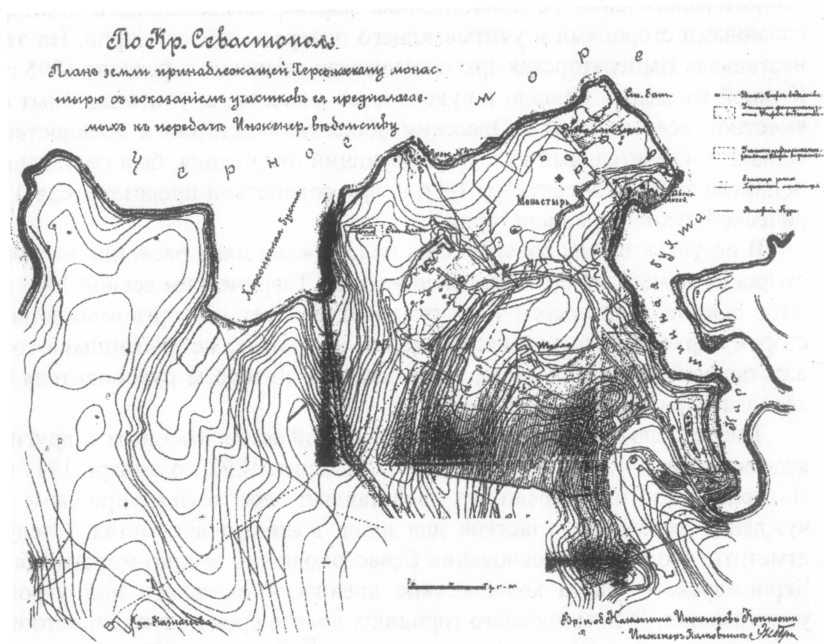

Рис 1. План земли, принадлежавшей Херсонесскому монастырю Св. Владимира, и участков, предназначавшихся для передачи военному ведомству (из фондов ГАГС)

Второй план (см. рис. 2) выполнен от руки и, судя по всему, является копией первого. По технике исполнения чертеж более схематичен, но, в отличие от первого, на нем показаны некоторые археологические объекты (линии оборонительных стен на западе и юге), подписаны названия и номера батарей³⁵. Таким образом, оба плана взаимно дополняют и уточняют друг друга.

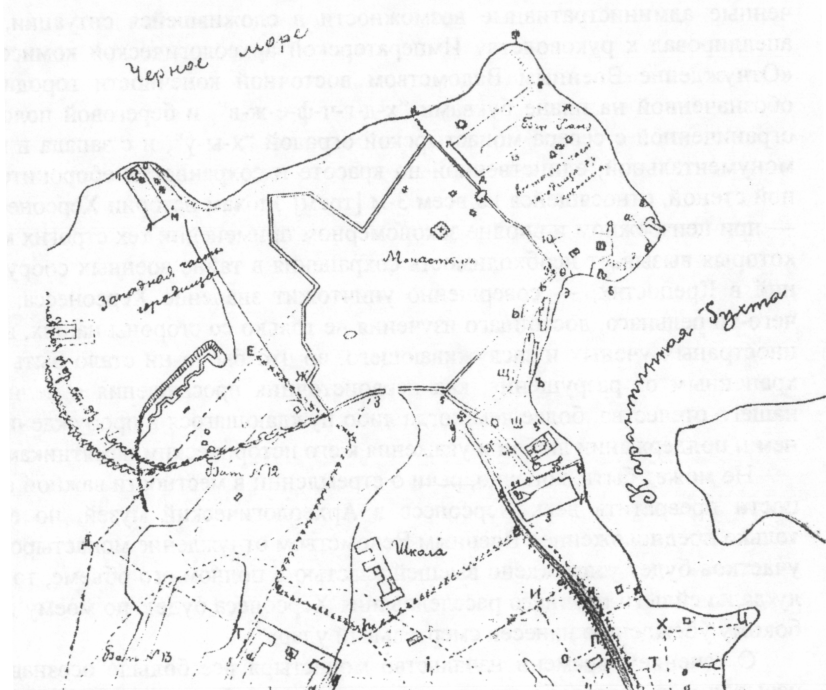

Рис. 2. Копия плана территории Херсонесского городища с указанием объектов монастыря и военного ведомства (из фондов ГАГС)

Монастырское руководство, учитывая свои хозяйственные интересы, прекрасно понимало значимость Херсонеса как уникального исторического памятника. Соглашаясь на продажу части земли, оно настаивало на сохранении в своей собственности наиболее интересных в археологическом отношении территорий: «Участок ч-ф-е-ж-д-в-а-Я-θ-х-ч исключается из общей площади отчуждения и из цены 25 000 рублей. Этот участок, ввиду высокой его важности в церковно-археологическом отношении и для свободного обозрения и провода к нему и к Музею древностей непосредственно через восточные Монастырские ворота, должен остаться в собственности Монастыря. Против нахождения временной батареи Кане на отрезке г-д-е-ж Монастырь ничего не имеет», — сообщалось в отношении на имя начальника инженеров Севастопольской крепости летом 1906 г., подписанном настоятелем³⁶.

Заведующий раскопками К.К. Косцюшко-Валюжинич также принимал меры для сохранения херсонесских памятников. Имея ограни-

ченные административные возможности в сложившейся ситуации, он апеллировал к руководству Императорской археологической комиссии: «Отчуждение Военным Ведомством восточной конечности городища, обозначенной на плане буквами “х-д-г-ч-ф-е-ж-в”, и береговой полосы, ограниченной с севера монастырской оградой “х-ы-у”, и с запада и юга монументальной, единственной по красоте и сохранности оборонительной стеной, относящейся ко всем 3-м [трем] эпохам истории Херсонесса, — при неизбежном и вполне закономерном применении тех строгих мер, которая вызывает необходимость сохранения в тайне военных сооружений в Крепостях, — совершенно уничтожит значение Херсонесса, как чего-то цельного, достойного изучения не только со стороны наших, но и иностранных ученых и заслуживающего, во что бы то ни стало быть сохраненным от разрушения, как первоисточник просвещения и религии нашего отечества, более чем когда либо нуждающегося в пробуждении в нем и поддержании любви и уважения к его историческим памятникам.

Не может быть, конечно, речи о стремлении в местности важной крепости превратить весь Херсонесс в Археологический музей, но если только предположенное Военным Ведомством отчуждение монастырских участков будет утверждено высшей властью в полном его объеме, то делу дальнейшего научного расследования Херсонеса будет, по моему глубоко убеждению нанесен смертельный удар»³⁷.

С течением времени начальство монастыря все больше осознавало невыгодность для себя строительства военных объектов на территории Херсонеса. В этой ситуации культурно-историческая значимость памятника становится одним из наиболее важных аргументов против планов военного ведомства. Такое положение вещей наглядно иллюстрирует текст обращения монастырской братии к епископу Таврическому и Симферопольскому. Документ представляет собой черновой вариант, составленный в июне 1910 г. В частности, в нем говорится: «Что касается предположения Военного ведомства соорудить на месте древняго городища две бетонные батареи, одну с восточной стороны монастырской ограды, вблизи алтаря собора, другую — с западной стороны той же ограды, впереди большой батареи № 12, то сооружение этих батарей на указанных местах должно будет нанести смертельный удар археологическим раскопкам Херсониса и вместе с тем подорвать все значение Херсонисского Монастыря, как религиозно-исторического памятника важнейшего для всей России события, крещения св. Вел. Князя Владимира, просвятителя Русского народа. Известно, что в восточной и западной части древняго городища, по ту и другую сторону от монастырской стены, до берега моря, произведенными раскопками открыты целыя улицы древняго Херсониса, с остатками великолепных храмов и разных зданий. На юге и западе городища идет монументальная оборонительная стена древняго Хер-

сониса, единственная в России по своей древности и сохранности. И эта стена, и все остатки древностей Херсониса своим великолепием, многочисленностью и разнообразием поражают всех посетителей Херсониса и ежегодно привлекают сюда массу туристов со всех концов России и из заграницы. По мнению всех ученых, русских и иностранных, эти древности заслуживают самого тщательного сбережения и изучения — и закрытие их для посетителей, а еще более снесение и уничтожение их для какой бы то ни было цели, было бы величайшею потерей для потомства и науки и не соответствовало бы достоинству и величию России как образованной Европейской державы.

Между тем Военное Ведомство, кроме устроенных прежде за монастырской оградой двух больших батарей, хочет устроить и две помянутые батареи и таким образом окружить монастырь своими сооружениями, намеренно обратить его в военную крепость. Вследствии сего монастырь потеряет все свое высокое значение и из важного религиозного и государственного памятника превратится в простую крепостную церковь: потому что все те развалины древних церквей и других зданий, которые также свидетельствуют о древности и религиозной жизни Херсониса, исчезнут, будут снесены, уничтожены, останутся только на бумаге, в описаниях путешественников, и ничто не будет свидетельствовать о том, что здесь был когда-то знаменитый Херсонис, самое священное и в религиозно-историческом отношении самое важное для русского народа место»³⁸.

Последующие годы войн (Первой мировой, гражданской) и революций надолго изменили расстановку приоритетов. Научные исследования, мероприятия по сохранению выдающегося памятника истории и культуры отошли на второй план. Только с середины 1920-х гг. происходит активизация археологических работ и возобновляется деятельность музея в Херсонесе³⁹.

В последние годы как за рубежом, так и в России отмечается рост интереса к истории археологии. В отечественной науке эта тема остается малоизученной, что особенно характерно для периода с середины XIX до начала XX в. Только в последнее время стали публиковаться монографии, организовываться конференции⁴⁰. Изучение материалов городского архива г. Севастополя дает возможность не только рассмотрения частных вопросов, связанных с исследованиями в Херсонесе, но и открывает более широкие перспективы. Документы, хранящиеся в фонде монастыря Св. Владимира, позволяют рассмотреть широкий круг вопросов, характеризующих организационную сторону археологических раскопок и действий по сохранению и использованию памятников истории культуры в дореволюционной России.

- ¹ См. об этом: *Сорочан С.Б. и др. Жизнь и гибель Херсонеса* / Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Харьков, 2000. С. 18.
- ² См.: *Гриневич К.Э. Сто лет херсонесских раскопок. Севастополь, 1927. С. 9–23.*
- ³ ГАГС (Государственный архив города Севастополя). Ф. 19. Оп. 1.
- ⁴ См.: *Золотарев М.И., Халаев В.В. Херсонесские святыни. Севастополь, 2002. С. 61.*
- ⁵ См.: *Анфим изумен. Историческая записка о Херсонисском св. Владимира монастыре* // ЗООИД. Одесса, 1877. Т. 10. С. 427–429.
- ⁶ См.: *Гриневич К.Э. Сто лет херсонесских раскопок. С. 16.*
- ⁷ *Летопись общества* // ЗООИД, Одесса, 1877. Т. 10. С. С. 368–369.
- ⁸ См.: *Гриневич К.Э. Сто лет херсонесских раскопок. С. 19.*
- ⁹ См.: *Сорочан С.Б. и др. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 25–42.*
- ¹⁰ ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10.
- ¹¹ См. напр.: *Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986.*
- ¹² *Летопись общества* // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. 1. С. 571–572.
- ¹³ См. напр.: ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 48.
- ¹⁴ См.: Там же. Л. 9.
- ¹⁵ Там же. Л. 12.
- ¹⁶ Там же. Л. 8.
- ¹⁷ См.: *Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 19.*
- ¹⁸ См.: ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. д. 10. Л. 21.
- ¹⁹ *Генинг В.Ф., Левченко В.Н. Археология древностей — период зарождения науки. Киев, 1992. С. 4–5.*
- ²⁰ См.: ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 35.
- ²¹ Там же. Л. 1–2.
- ²² Там же. Л. 3.
- ²³ Там же. Л. 5–39.
- ²⁴ Там же. Л. 5–28.
- ²⁵ Там же. Л. 5–6, 8–10, 14–15.

- ²⁶ ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 35. Л. 11–13, 19–22.
- ²⁷ Там же. Л. 6.
- ²⁸ Там же. Л. 11–13, 19–22.
- ²⁹ Там же. Л. 23–28.
- ³⁰ Там же. Л. 37–39.
- ³¹ Там же. Д. 37.
- ³² *Бобринский А.А.* Херсонес Таврический. СПб., 1905. С. 172; *Скориков Ю.А.* Севастопольская крепость. СПб., 1997. С. 16.
- ³³ ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 37. Л. 60.
- ³⁴ Там же. Л. 68.
- ³⁵ Там же. Л. 153.
- ³⁶ Там же. Л. 61.
- ³⁷ Там же. Л. 66об., 67об.
- ³⁸ Там же. Л. 115об. – 116об.
- ³⁹ *Сорочан С.Б. и др.* Жизнь и гибель Херсонеса. С. 41–42.
- ⁴⁰ См. обзор работ: *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. СПб., 2003. С. 6–8.